

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Грустное
Танго
Арлекина

Детективы о женщине-цунами

Анна Ольховская

Грустное танго Арлекина

«Соболева Анна Николаевна»

2015

Ольховская А.

Грустное танго Арлекина / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2015 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-78580-3

Гуляя в парке с собакой пожилой соседки Лидии Васильевны, Яна обнаружила изуродованный труп молодой девушки, сидящий в кабинке Колеса обозрения. Вскоре она узнала, что подобное происшествие далеко не первое. По мнению полиции, в их районе орудует жестокий маньяк, которого за его любовь к аттракционам прозвали Карусельщиком. Яна решила постараться забыть о том, что увидела в парке, но оказалось, что у Карусельщика на нее совсем другие планы...

ISBN 978-5-699-78580-3

© Ольховская А., 2015

© Соболева Анна Николаевна, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Грустное танго Арлекина

© Ольховская А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Апатия удушливым туманом заволакивала сознание. Лена теперь понимала, что чувствует попавшая в сети паука муха.

В первые минуты неосторожная жертва рвется, трепыхается, пытается освободиться, еще не осознавая, что это – все, конец, отлеталась. Ей кажется, стоит лишь посильнее напрячься, дернуться, рвануться – и липкие нити лопнут.

Но чем больше трепыхаешься, тем плотнее путы. И ближе паук. Сначала он держится немного в стороне, дожидаясь, пока жертва посильнее влипнет. А потом неспешно, смакуя каждое мгновение, приближается. И начинает выпускать новые нити, мерзкие нити зла, медленно опутывая, закрывая мир, свет, жизнь...

Лена трепыхалась. О, еще как! Она тоже не могла поверить, что кто-то способен навредить ей, дочери влиятельного бизнесмена, студентке МГИМО, умнице и красавице, шагавшей... нет, порхавшей по жизни легко и весело.

А почему бы и не порхать, если жизнь так прекрасна? Любящие и понимающие родители, много друзей, светлая голова на плечах, хороший характер, приятная внешность, абсолютно никакой кичливости и заносчивости – друзей и подруг у Лены было много. Хороших, преданных друзей. И любимый парень имелся, а как же! И бояться в принципе нечего: папина служба безопасности одна из самых профессиональных в городе.

Вот только оказалось, что не всегда эта служба может помочь...

Смартфон издевательски квакнул, сигнализируя о доставке сообщения. Раньше Лене этот звук вовсе не казался таким мерзким. Раньше...

Больше всего хотелось разбить этот дурацкий кусок умного пластика, растоптать его в мелкую крошку, чтобы никогда больше, чтобы навсегда!

Но... Бесполезно. Пробовала уже. ОН все равно ее нашел. И находил снова и снова...

Девушка открыла сообщение.

«Итак?»

Руки дрожали, пальцы отказывались нажимать на нужные буквы. Но пришлось...

«Чего хочет мой Господин?»

Часть первая

Глава 1

Вот же гаденыш! Ну, сейчас ты у меня получишь!

Яна подхватила лежавшую прямо под ногами большущую шишку, прицелилась и, мстительно усмехнувшись, швырнула:

– Н-на! Получи!

Но заяц, обнаглевшая длинноухая сволочь, ловко увернулся, показал Яне язык и с прежним дурным энтузиазмом застучал по барабану лапками. И даже то, что барабан этого кошмара в бархатных шортах (с аккуратно прорезанной сзади дырочкой для хвоста) издавал вполне себе мелодичные, звонкие трели, ситуацию никоим образом не улучшало.

Потому что от этих настойчивых трелей раскалывалась голова и зудело где-то под самой крышкой черепной коробки. Что нормальному функционированию мозга ну никак не способствовало.

Поэтому заяц, разгуливающий по лесу в бархатных штанах и с барабаном, Яну совершенно не удивлял.

Зато напрягал, доставал, надоедал.

И барабанил, барабанил, барабанил...

– Да что ж за наказание такое!

Возмущенный вопль оказался такой силы, что буквально сдул зайца вместе с его бархатными портками прочь. Но звук его барабана почему-то остался.

Нудно-мелодичный.

Яна нехотя открыла глаза, перевела взгляд на будильник и болезненно поморщилась – восемь утра! Восемь утра в субботу!

Что же там за дятел за дверью? Какого черта этому дятлу надо?

Или...

Яну буквально снесло с кровати, принесло в ванную, затем – на кухню, и, только убедившись, что нигде ничего не прорвало, не протекло и никого она не заливает, девушка облегченно выдохнула. Съемная квартира все-таки, оправдывайся потом перед хозяйкой!

Шипя сквозь зубы весьма нелестные эпитеты в адрес раннего визитера, девушка пошла к входной двери, звонок на которой продолжал периодически взрываться трелями.

Настойчивый, однако, дятел.

Яна посмотрела в глазок и обреченно вздохнула – ну конечно! Кто же еще! Вот уж воистину – не делай добра, не получишь зла!

Девушка нехотя щелкнула замками, отпирая, скинула цепочку и распахнула дверь:

– Доброе утро, Лидия Васильевна!

– Доброе утро, Яночка! Ой, а почему ты в пижаме? Девятый час ведь уже, ты на работу опоздаешь!

– Сегодня суббота.

Стоявшая на пороге старушка огорченно всплеснула руками:

– Суббота?! Так это я тебя разбудила?!

Еще бы, столько трезвонить!

– Есть такое.

Губы соседки задрожали, глаза моментально подернулись символизирующей вину влагой:

– Ради бога, прости меня, Яночка! Прости дуру старую! Для меня ведь все дни одинаковые, я и забыла, что сегодня суббота! Думаю, что это Яночка не заходит, Бусинка тоже волноваться начала! Не случилось ли чего! Ты иди, ложись, поспи еще! Я уж сама как-нибудь Бусинку выведу. Правда, с ночи неважно себя чувствую, голова кружится, но я сейчас соберусь...

– Да ладно, Лидия Васильевна, чего уж там! – махнула рукой Яна. – Выведу я вашу Бусинку, все равно уже не заснуть. Сейчас только оденусь.

– Спасибо тебе, Яночка! – просияла старушка. – Мне действительно тяжело сейчас далеко уходить: давление подскочило. А Бусинка по утрам любит в парке побегать.

– Да, я знаю.

– Ну конечно же, знаешь! Что бы мы без тебя делали, две старухи немощные! Я так рада, что ты здесь поселилась! До тебя тут такая неприятная девица жила...

– Лидия Васильевна, – Яна переступила озябшими ногами, – я пойду, переоденусь. Холодно так стоять.

– Конечно-конечно, иди, – закивала соседка. – В квартирах действительно зябко, хотя и май на дворе. А я пока Бусинке комбинезончик надену: на улице грязно, всю ночь дождь шел.

Само собой. В хорошую солнечную погоду у милой старушки, живущей в соседней квартире, все в порядке со здоровьем. А как только за окном дождь, туман, снег и прочая пакость, Лидии Васильевне моментально становится худо.

И вообще, по большому счету не такая уж она и старушка. Просто дородная пожилая дама, одышливая, мнительная. И собачка ее, отдаленно напоминающая болонку кудлатая Бусинка, такая же одышливая. Потому что явно перекармливает Лидия Васильевна свою любимицу, Бусинке впору переименоваться в Бульжничек.

Яна познакомилась с соседкой и ее собачкой где-то через неделю после переезда в эту квартиру.

Девушке очень нравилось новое место жительства, и не только потому, что это было ее первое единолично снятое жилье (до сих пор Яна снимала квартиры с подселением, собирались две-три девушки и жили вместе).

Эта симпатичная уютная однушка находилась в чудесном районе, так называемом тихом центре. Буквально в пяти минутах ходьбы шумел центральный проспект, а здесь время словно остановилось, запутавшись в густых зарослях жасмина и боярышника. Двор дома, где теперь жила Яна, очень напоминал дворик из фильма «Покровские ворота». И сам дом, построенный сразу после войны пленными немцами, тоже был почти такой же. Двухэтажный, с лепниной, с большими каменными балконами-верандами. Двор замыкали еще несколько таких же домов, образуя островок прошлого.

А еще прямо в центре двора стояла гипсовый мишка! Настоящий, с тех еще времен! Жители явно любили своего мишука, сами реставрировали, подкрашивали коричневой краской.

И Яна, когда пришла осматривать квартиру, мгновенно влюбилась в это косолапое чудо. И заранее готова была согласиться снять квартиру, даже если она будет совсем убитой.

Но квартирка оказалась вполне симпатичной. Ну да, деревянные полы были довольно обшарпаны, обои старенькие, немного выцветшие, да и мебель тоже явно одного года рождения с гипсовым мишкой.

Но – чистенько, мило, уютно. А кружевная салфеточка на телевизоре привела Яну в восторг – такая же была у бабушки.

Квартиру сдавала дочь жившей здесь старушки, хозяйка пару лет назад умерла. Дочь, усталая и замотанная женщина лет пятидесяти, первым делом поинтересовалась: не курит ли Яна?

Узнав, что нет, одобрительно кивнула:

– Это хорошо. А то прошлая жиличка дымила, как паровоз, всю мебель мне провоняла. И гулянки устраивала по ночам, мне соседи жаловаться начали. Потому и выселила девку. А ты как с этим делом?

– С каким?

– Ну, с пьянками-гулянками-мужиками?

– У меня со всей этой гвардией никаких дел нет, – усмехнулась Яна. – Я на работе очень устаю, мне тишина нужна. Поэтому я и заинтересовалась вашим объявлением.

– А кем вы работаете, если не секрет? – насторожилась хозяйка. – Что тишина нужна? В ночном клубе, что ли?

– Ну почему же сразу в ночном клубе? В школе я работаю, учительницей музыки. И кружок хорового пения веду.

– Учительницей музыки? – просияла женщина. – Ой, а с моей дочкой позанимаетесь? Я квартплату скину!

И скинула, причем довольно ошутимо. Что вызвало у девушки некоторые опасения, не окажется ли дочка хозяйки ленивой бездарью.

Но худенькая стеснительная Катюшка бездарью вовсе не была, занималась старательно, да еще и угощала Яну маминой выпечкой или еще чем-нибудь вкусеньким: готовила Катюшкина мать обалденно. Так что эта нагрузка очень даже Яне нравилась.

А еще прямо рядом с домом, в двух шагах, начинался парк.

Красивый, ухоженный, со старыми соснами и елями, с тщательно подметенными дорожками, с аттракционами в центре парка, с густой зеленью по краям.

В общем, повезло с квартирой!

Глава 2

Яна в первые дни после переезда буквально парила над землей на воздушных шариках эйфории и восторга. Ей все нравилось, все!

Жизнь была прекрасна и удивительна! И такими же милыми и прекрасными казались Яне все жильцы дома. Девушка радостно здоровалась с незнакомыми пока людьми, и те сначала удивленно, а потом приветливо отвечали.

Через неделю Яна перезнакомилась уже почти со всеми, кто жил в ее подъезде. И однажды вечером, возвращаясь с работы, заметила, что на лавочке у подъезда кто-то сидит. Кто, разглядеть сразу не удалось: густые заросли боярышника мешали. Но точно женщина – по голосу понятно.

Укоризненно выговаривавшему кому-то голосу:

– Ну и чего ты скандалишь? Я обещала погулять – мы гуляем.

В ответ – странное жалобное ворчание, очень неразборчивое.

– Стыдно так себя вести! Ты уже большая девочка, должна понимать...

Яна подошла ближе и, не сумев удержать хи-хи внутри, сдавленно хрюкнула. Чем спровоцировала бурную ответную реакцию сидевшей на скамейке собачки.

Потому что большой девочкой оказалась маленькая собачка, в родословной которой явно затесались представители разных пород, в том числе и бульдожка, и пудель. И результат получился более чем забавный – брылястый лохматый бочоночек на кривых лапках. И сейчас этот бочоночек сидел на толстой попке, смешно растопырив в стороны короткие лапы, а рядом вальяжно восседала его хозяйка.

Смотрелась эта парочка настолько гармонично, так они были похожи друг на дружку, что Яна не смогла удержать еще один сдавленный хи-хи-хрюк.

Отчего с собачкой случилась настоящая истерика – мало того что вместо полноценной прогулки ее вынуждают сидеть на лавке, так еще и глумятся! Что тут смешного, что? Что? Что?! Что?!!

Собачка скатилась со скамейки и, звонко чокая, запрыгала вокруг Яны, пытаясь ухватить за полы пальто и хорошенько оттрепать эту нахалку!

Но короткие лапы и толстое брюшко не позволили совершить полноценный акт возмездия, и пришлось ограничиться руганью.

По закону жанра хозяйка должна была бы оказать такой же вздорной и скандальной, как и ее собачка, но бабуля гавкать на девушку не стала, наоборот. Она укоризненно покачала головой и прикрикнула на захлебывающуюся от злости питомицу:

– Бусинка, прекрати! Ты же не на базаре! Перестань сейчас же, у меня и так голова болит!

Собачка еще пару раз чтокнула и, возмущенно сопя, запрыгнула обратно на скамейку.

– Извините ее, милая барышня, – улыбнулась бабуля. – Бусинка просто очень расстроена: мы по вечерам обычно в парк погулять ходим, там у Бусинки много друзей и подружек. Но сегодня вот не смогли: я себя неважно чувствую, давление у меня. Боюсь далеко от дома уходить, приходится гулять на лавочке.

– Это вы меня извините, – смутилась Яна. – Я не специально, я не хотела смеяться...

– Да перестаньте! – махнула рукой бабуля. – Я прекрасно вас понимаю – мы выглядим смешно. Две толстухи гуляют, сидя на лавочке. Но что поделаешь – толстухи уже старухи, увы... А вы наша новая соседка? У Люды квартиру снимаете?

– Да. Меня Яна зовут.

– А меня – Лидия Васильевна. Эту вздорную особу – Бусинка. Хотя вы, наверное, это уже поняли.

– Лидия Васильевна, – дружелюбие пожилой женщины искренне тронуло Яну, захотелось сделать ей что-то приятное, – а хотите, я погуляю с Бусинкой?

– Это было бы прекрасно! – всплеснула руками соседка. – Но... Вы же с работы, устали, наверное?

– Ничего, заодно проветрю голову.

Так все и началось.

Лидия Васильевна поначалу не злоупотребляла отзывчивостью новой соседки и просила об услуге довольно редко, когда действительно себя плохо чувствовала. Но постепенно бабуля вошла во вкус: это оказалось так удобно! Есть желание прогуляться – идешь. Нет – всегда можно попросить Яночку.

В принципе Яна была не против – прогулки с Бусинкой, оказавшейся довольно милой и послушной собаченцией, девушке даже понравились. После беготни и суеты большого города пройтись вечерком по парку, вдохнуть запах хвои, пообщаться с другими собачниками, отключиться от проблем – это было здорово! И гораздо полезнее зависания в Интернете, чем обычно завершались все предыдущие вечера Яны.

Но это по вечерам. А утром отбирать у самого сладкого предрассветного сна минимум полчаса времени, чтобы вывести чужую собаку, Яне вовсе не хотелось. Тем более если за окном погода куксилась снегом, а когда пришла весна – дождем.

Правда, Лидии Васильевне еще больше не хотелось тащиться в слякоть.

А ответить жестким отказом Яна уже не могла. Не умела она быть жесткой, неудобно как-то, человек на нее рассчитывает...

Чем многие знакомые девушки и пользовались. И Лидия Васильевна тоже. Надо отдать старушке должное: она пыталась отблагодарить молодую соседку, зазывала ее в гости, на чай. Но Яна под любыми предложениями отказывалась: сильно сблизиться с бабулей не хотелось. Иначе за просьбами выгулять собаку последуют просьбы сходить в магазин, помочь с уборкой – да мало ли где можно применить дармовую помощь!

Если бы Лидия Васильевна была одинока, Яна, скорее всего, приняла бы приглашение на чай и стала волонтером. Но Людмила, хозяйка снимаемой квартиры, рассказала девушке, что у старушки имеются дочь и внук, живут недалеко, навещают бабулю довольно часто. Так что есть кому помочь.

– Сегодня за окном сыро и промозгло, ясно, что соседке неохота тащиться с собачкой, но хотя бы не в такую рань будила! Научись наконец снимать людей со своей шеи, а не подставлять ее всем желающим! Тряпка!

Все это Яна раздраженно бубнила себе под нос, натягивая джинсы и толстовку. Хотелось принять душ, спокойно просушить волосы, выпить чашечку кофе, умиротворенно поглядывая на заоконную серость. И радуясь выходному дню, освобождающему от необходимости тащиться в эту серость.

А вот придется. Тащиться.

Но когда Яна вышла из подъезда и полной грудью вдохнула свежий утренний воздух, раздражение и злость как-то очень быстро скукожились, словно листок бумаги в огне. И так же, как листок, рассыпались в пепел и в итоге исчезли совсем.

Потому что утро, несмотря на облачность и серость, оказалось чудесным! Неожиданно теплым, словно не май, а середина июня, безветренным и мягким.

Во дворе было тихо и пусто – суббота ведь, все спят. А значит, можно спокойно отпустить Бусинку с поводка.

Когда собачку выгуливала хозяйка, поводок оставался дома: Лидия Васильевна не любила ограничивать свободу своей любимицы. Да и бегать за ней по кустам корпулентной даме тоже не хотелось. А Бусинка обожала шарить в кустах и выбирала заросли погуще, чтобы властью почесать толстые бока о ветки.

Поэтому Лидия Васильева обычно совершала неспешный променад, а псинка тем временем инспектировала все кусты и канавы.

Но Яна предпочитала выводить Бусинку на поводке. И только в парке отпускала.

Во-первых, опасалась, что бестолковый бочонок, зазевавшись, попадет под машину, оправдываясь потом перед соседкой! Во-вторых, Бусинка, как и большинство мелких собак, обожала лаять. Облаивала все, что встречала на своем пути: камни, палки, бутылки и прочий мусор. А уж если попадались люди! Бочонок заходился визгливым радостным лаем, приветствуя незнакомцев.

А среди незнакомцев частенько встречались люди, не любящие собак. Даже маленьких. И что еще хуже – дети, боявшиеся собак, и их истеричные мамы.

В общем, неприятности Яне были совсем не нужны, и по двору она выгуливала Бусинку на поводке. Однако сегодня можно было не дожидаться парка и дать псинке свободу сразу.

Тем более что бедолажка и так не особо комфортно себя чувствует: заботливая хозяйка нарядила любимицу в непромокаемый комбинезончик. А как же, на улице вон какая сырость!

Одежду для собачки Лидия Васильевна шила собственноручно, причем креативила вовсю, и это выражалось обилием пуговичек, фестончиков, карманчиков, рюшечек и вышивок.

Что вызывало откровенный смех и издевки со стороны бездомных собак, и вообще было жутко неудобно, тесно, мешало! Но разве объяснишь это хозяйке!

Вселенская печаль плескалась в карих глазах Бусинки, норовя вылиться наружу горькими слезами.

– Иди уж, страдальца, – улыбнулась Яна, отцепляя карабин поводка. – Только не увлекайся особо, далеко не убегай, хорошо? Чтобы я тебя слышала.

Да не вопрос!

Печаль мгновенно испарилась, Бусинка благодарно твякнула, развернулась и, заливаясь радостным лаем, засемила в сторону парка.

Яна медленно двинулась следом, наслаждаясь свежестью утра.

Глава 3

В парке, как и во дворе, было безлюдно.

Яна, следуя за звонким колокольчиком лая, как за дудочкой крысолова, все дальше и дальше уходила от привычного уже, «своего» края парка. Вернее, убегала, но все равно отставала от собаки все сильнее.

Потому что свою часть территории девушка за несколько месяцев прогулок с Бусинкой изучила хорошо, знала все дорожки и тропинки, все возможные для маленькой глупой собачонки опасности, ямы, канавки. И на знакомом рельефе потерять подопечную не боялась.

Тем более что обычно толстушка не покидала свою территорию, гуляла по изученным местам. Но сегодня Бусинка, пару раз крутанувшись по ближайшим кустам, внезапно остановилась, замерла на мгновение, озадаченно шевеля черной кнопкой носика, как-то особенно звонко взлаяла и, словно ею выстрелили из лука, устремила в глубь парка.

Хотя нет, стрелу этот помпон в комбинезоне мало напоминал, скорее, мягкое звонкое ядро.

– Бусина, не так быстро! – рассмеялась Яна. – И вообще, ты чего так рванула, красавица? Парнишку симпатичного учуяла? И где тогда твоя женская гордость... ой, бли-и-ин... Так ты... А почему твоя хозяйка меня не предупредила?

До сих пор девушке и в голову не приходило вспоминать об особенностях поведения женской половины собачьего рода в определенный период. Она, конечно, слышала, что песьи дамы ведут себя разнузданно и беспринципно в это время, но представить толстую одышливую Бусинку в качестве знойной одалиски ну никак не могла.

И вообще об этом не думала. И Лидия Васильевна не предупредила!

А может, и не о чем предупреждать?

Но почему Бусинка так странно себя повела?

Почему рванула с космической для нее скоростью и, судя по удаляющемуся звуку лая, бежит куда-то весьма целенаправленно?

Все эти «почему» приходилось обдумывать на бегу, ломясь вслед за собачонкой напрямик через кусты, по мокрой после ночного дождя траве.

И все равно Яна отставала – лай постепенно удалялся.

Рельеф, зараза, тот самый неразведанный рельеф – приходилось огибать заросли кустарников, останавливаться, прислушиваясь и осматриваясь, определяться на местности.

А местность стала какой-то довольно пугающей, прямо лес настоящий: высоченные сосны, ели и тропинки не асфальтированные, а обычные, в земле протоптанные. Будь утро солнечным, пейзаж, вероятно, и напомнил бы Яне картины Левитана или Шишкина. Но утро солнышком по-прежнему не баловало, и серость открытого пространства здесь, в глубине парка, больше напоминала сумрак ночи.

Да еще эта тишина!

Нет, как раз тишину Яна любила, ценила возможность отдохнуть от шума и грохота городской жизни, послушать пение птиц, шелест веток, скрип высоких сосновых стволов, даже беличий стрекот иногда раздавался. И сами белки порой подбегали за угощением.

Но сегодня было слишком уж тихо. Мертвенно тихо – даже птиц не слышно. Словно затаились все, спрятались, боясь привлечь чье-то внимание.

Злое внимание, злое и жестокое...

– Так, истеричка, хватит себя накручивать! – громко произнесла Яна, остановившись и осматриваясь. – Меньше надо ужастиков смотреть, следует хорошие фильмы выбирать, светлые, романтические, про любовь! Тогда и не будет всякая ерунда мерещиться! Обычный городской парк, между прочим, мирный и тихий. Птиц она не слышит! Да спят еще твои птицы, спят!

И собаки нормальные все спят, и хозяева нормальных собак спят! Одна только толстая зараза подорвалась ни свет ни заря и носится теперь по парку придурочной феей! Бусинка! Ты где, паразитка такая?! Бусина, ко мне!

Ни звука в ответ.

Вот теперь Яне стало по-настоящему страшно. Вдоль спины пополз, разрастаясь в размерах, холодный и липкий слизняк ужаса. Очень захотелось домой, в уют своего съемного, но все равно самого лучшего в мире жилья. На маленькую кухоньку, забраться с ногами на обшарпанный угловой диванчик, зажимая в руках кружку с горячим кофе, включить стоявший на холодильнике телевизор и смотреть какую-нибудь совершенно дурацкую утреннюю развлекательную программу.

А не торчать в этой сумрачной чаше, безуспешно пытаюсь справиться со все сильнее бившей ее дрожью.

Сначала мелкой, так, легкий озноб, вызванный из небытия ползущим вдоль позвоночника слизняком. Но очень быстро озноб перерос в полноценный такой тремор, затрясло не по-детски, захотелось развернуться и убежать. Не важно куда, лишь бы двигаться, убраться поскорее отсюда! Это ведь не настоящий лес, а городской парк, в любом направлении, куда ни беги, выберешься в город.

Но без Бусинки возвращаться нельзя...

– Бусина!

Голос дрогнул и сорвался, к горлу подкатил противный комок, сигнализирующий приближение вполне полноценного, качественного, истеричного рыдания.

Позорище какое, а? Видел бы тебя сейчас кто-нибудь из твоих учеников! Немедленно соберись, внимательно осмотришь, проанализируй ситуацию, прикинь, что и как делать дальше, правильный алгоритм действий выработай...

– Ай!

Наверное, в ее родне все же затесался кенгуру. Ну, или хотя бы мастер спорта по прыжкам, не важно каким – в длину или высоту.

Потому что сиганула Яна впечатляюще, мощный такой отпрыг получился, едва в сосну не врезалась.

– Ах ты, свинота! Поглумиться надо мной решила, да? В прятки поиграть? Затихарилась, хрюшка бессовестная, дождалась, пока я истерить начну, а потом подкралась со спины, напугала и сидит теперь, радуется! Джинсы мне испачкала носом своим! Чего было тыкаться, а? Почему не гавкнуть вежливо так, предупредить о своем возвращении?

Яна старалась выговаривать строго и укоризненно, но радость и облегчение спрятать не удавалось, поэтому раскаяния в темно-карих глазах Бусинки не было.

А вот возбуждение, непонятное какое-то возбуждение было.

Именно оно, вероятно, и подтолкнуло собаку с размаху врезаться Яне в ногу, заставив ее подпрыгнуть.

А как тут не подпрыгнешь, если неожиданно, почти беззвучно в тебя что-то врезается?! Ничего подобного Бусинка раньше себе не позволяла: она каждое свое телодвижение сопровождала если не лаем, то уж ворчанием, поскуливанием, повизгиванием – обязательно.

Вот как сейчас, к примеру. Переминается с лапы на лапу, возбужденно смотрит на Яну и повизгивает от нетерпения.

– Теперь ты, значит, решила поболтать, да? – проворчала девушка, наклоняясь, чтобы прицепить карабин поводка к ошейнику. – А что тебе мешало... Упс, а это что?

Бусинка радостно гавкнула и ткнула в это носом, как бы говоря: «Наконец-то! Сообразила! Как, по-твоему, я могла лаять, если несла тебе это? Я молодец, правда? Угощайся!»

– Ты моя хорошая! – рассмеялась Яна, поднимая с усыпанной хвоей земли чупа-чупс. – Нашла конфетку и принесла поделиться? А вот интересно, если бы конфетка не была завернута в бумажку, тогда тоже принесла бы или слопала прямо там, где нашла?

«Обидно слышать ваши речи!»

– Ладно, не обижайся. Сейчас разверну и поделим по-братски – тебе конфетку, мне бумажку. Фу, в чем это она?

Яна снова уронила чупа-чупс, поднесла испачканные чем-то красным пальцы к лицу и сдавленно охнула:

– Ч-черт, да это же кровь! Бусинка, ты где это нашла? – Слизняк опять заелозил вдоль позвоночника, показалось, что в спину кто-то смотрит. Яна даже оглянулась украдкой – никого. Но гулять расхотелось, совершенно. – Знаешь, идем-ка отсюда, а?

Девушка снова наклонилась, чтобы все-таки пристегнуть поводок – в прошлый раз ее отвлекла конфета, – но псинка внезапно вывернулась и скрылась в кустах.

– Бусина, дрянь такая, ты что творишь?!

От злости страх куда-то улетучился, и Яна, уже не разбирая дороги, рванула вслед за неугомонной толстухой.

И буквально через три минуты выбежала к одному из самых заметных аттракционов парка – колесу обозрения. Прямо к нему, вернее, к одной из кабинок, и мчалась сейчас Бусинка, смешно подкидывая на бегу коротенькие лапки.

– В прятки все-таки решила поиграть, да? – усмехнулась Яна, переходя с бега на спокойный шаг. – А я тебя ви-и-ижу!

Собачка тем временем добежала до кабинки, запрыгнула в нее и через секунду появилась снова.

И снова в пасти что-то было. Что-то побольше конфеты. Пластиковый стаканчик, что ли? Яна укоризненно покачала головой:

– Побирושка, ты зачем мусор собираешь? Тебя что, дома не кормят, что ты чужие объедки выискиваешь?

Бусинка подбежала, села на толстую попку и радостно замела по асфальту хвостом, явно предлагая Яне свою новую находку.

Стаканчик с остатками мороженого.

И только здесь, на свету, Яна рассмотрела, что комбинезон собачонки, веселенький голубой комбинезончик, сильно испачкан.

Неприятно испачкан. Жутковато. Весь в каких-то бурых пятнах...

Яна, словно загнипнотизированная, подошла к кабинке аттракциона и отшатнулась, закрыв ладошками рвущийся наружу крик.

Глава 4

– Может, все-таки укольчик? – Пожилая, уставшая женщина-врач «Скорой» сочувственно смотрела на Яну. – Ведь такой стресс!

– Нет, спасибо. – Девушка отрицательно помотала головой и слабо улыбнулась. – Мне бы домой поскорее...

– Ну, это не от меня зависит, – врач кивнула в сторону возившейся вокруг тела опергруппы, – от них.

– Но я ведь все уже рассказала! Да и нечего рассказывать особо – пришла и нашла...

Яну снова затрясло, она обняла себя за плечи руками и пошатнулась. Врач подхватила девушку под руку и почти насильно повела к машине «Скорой»:

– Так, милая моя, теперь без разговоров! А то сейчас в обморок хлопнешься, придется тебя в больницу везти.

– Мне нельзя в больницу! – испуганно вскрикнула Яна. – У меня Бусинка!

Услышав свое имя, притихшая было собачонка жалобно твякнула и подбежала к Яне. В глазах псинки плескалось недоумение: а почему мы тут торчим? Почему не идем домой? Я устала, я хочу есть!

– Бедная собачка, – водитель «Скорой», парень лет двадцати семи, присел на корточки и погладил толстушку по голове, – перепугалась, наверное. Разве можно такой молодой и симпатичной, – водитель многозначительно посмотрел на Яну, – девушке одной по парку гулять? И куда ваш муж смотрит?

– Какой еще муж! – Яна страдальчески поморщилась, наблюдая, как в вену ловко и почти безболезненно входит тоненькая игла. – Нет у меня никакого мужа!

– Неужели?! – оживился водитель. – А как вас зовут?

– Виктор! – рывкнула на мужика врач. – Угомонись! Нашел время!

– И место, – поддакнула фельдшер, по виду чуть старше водителя. – Тут человека убили, между прочим!

– Да не тут ее убили, – махнул рукой водитель. – Сюда уже мертвую принесли.

– А ты откуда знаешь?

– Слышал, как опера между собой разговаривали. Я покурить отошел, ну и посмотреть, что там и как. Жуть, конечно! Немудрено, что милую барышню, – прицельный выстрел глазами в сторону Яны, – так трясет. Может, подвезем ее до дома? А, Марин Пална?

– Не хитри, Витя, – усмехнулась врач, а затем заботливо склонилась над Яной, сидевшей на ступеньке машины. – Ну, как вы? Полегчало? Может, действительно вас подвезти? Нам тут делать нечего, здесь спецмашина нужна.

– Спасибо, мне уже лучше, – благодарно улыбнулась Яна, действительно ощущая, как размыкаются тиски дикого ужаса, стягивавшие душу с момента, когда она увидела истерзанное тело девушки в кабинке колеса обозрения.

Кровь. Много крови. Кого-то эта бедняжка очень разозлила...

Но самое жуткое, самое шокирующее было даже не это.

Больше всего Яну поразило, что псих, глумившийся над бедняжкой, не бросил ее тело просто так. Нет, он целую мизансцену выстроил, словно свихнувшийся режиссер.

Он заботливо усадил тело жертвы на скамейку, привалил его к стенке кабинки так, чтобы девушка не заваливалась на бок. А на столике перед трупом стояла наполовину пустая бутылка колы, два пластиковых стаканчика – перед трупом полный, напротив – пустой. Распечатанный пакет с чипсами. Картонное ведерко воздушной кукурузы...

Наверное, там же было и мороженое, принесенное Бусинкой. И чупа-чупс. Но эта часть «угощения», похоже, все-таки упала на пол – со стола собачонка стянуть не смогла бы.

В общем, картина обычного свидания в парке – молодая пара расположилась в кабинке колеса обозрения с максимальным комфортом...

Что она тебе сделала, больной придурок? За что ты ее?!

– Да ничего она не сделала! – хмыкнул Виктор. – Это маньячина какой-то, уже третью девицу мочит.

Яна вздрогнула и смущенно оглянулась: она что, вслух это спросила?

– Не мели ерунду! – нахмурилась врач.

– Я серьезно! Опера болтали...

– А подслушивать нехорошо, молодой человек!

Мужчина лет сорока, по виду больше всего напоминавший какого-нибудь научного сотрудника краеведческого музея, появился возле «Скорой» как-то совершенно неожиданно. Словно из-под земли вырос или телепортировался из того самого краеведческого музея.

Вот только взгляд мужчины выдавал совсем не искусствоведческое образование. Цепкий был взгляд, острый, внимательный. От которого позолота бахвальства и пофигизма, щедро покрывавшая Виктора, как-то сразу потускнела и трещинами пошла, облизать потихоньку стала. Водитель даже ростом как будто меньше стал, ссутулился и пробормотал:

– А я чего? Я ничего. Я же не специально! Я просто покурить отошел.

– Бывает, – усмехнулся незнакомец, и оптический прицел его взгляда сфокусировался на Яне. – Здравствуйте! Это ведь вы наша главная свидетельница?

– Я не свидетельница, – угрюмо уточнила девушка.

– Разве?

– Свидетель, если я правильно понимаю, этот тот, кто видел, что произошло. А я ничего не видела. Я просто нашла ее... Вернее, моя собака нашла.

– Вот об этом давайте и побеседуем. Позвольте представиться – старший советник юстиции Черепанов Матвей Егорович, следователь. А вас как звать-величать?

– Яна. Яна Суворцева. Послушайте, Матвей Егорович! – взмолилась девушка. – Я ведь все уже рассказала вашим коллегам! Я устала, я хочу домой! И хозяйка собачки, наверное, с ума сходит! Как бы ей «Скорую» вызывать не пришлось!

– Хозяйка собачки? А разве...

– Нет, не моя! – сорвалась на крик Яна. – Бусинка – собака соседки! Лидия Васильевна пожилой человек, не всегда хорошо себя чувствует! А нас вот уже два часа нет! Вы представляете...

– Успокойтесь, Яна, не надо так кричать, – поморщился следователь. – Я понимаю ваше состояние, но поймите и вы нас – все-таки не банальная бытовуха, согласитесь. И чем скорее мы найдем того, кто это сделал, тем лучше.

– Но я-то чем могу помочь?! Я ведь и вправду ничего не видела!

– Просто расскажите еще раз, как все было. В мельчайших подробностях.

– В мельчайших? – раздраженно прищурилась Яна. – Может, еще и место показать, где я чупа-чупс бросила?

– Чупа-чупс? – мгновенно насторожился Черепанов. – Ваш собственный?

– Нет, Бусинка мне его притащила. Весь в крови...

– Извините, Яночка, – сосредоточенно нахмурился следователь, – но вам действительно придется показать место, где вы его бросили.

– Вы серьезно?! – Яна беспомощно оглянулась по сторонам, словно ища у бригады «Скорой» поддержки. – Я... я не знаю, где это! Я не помню! Я бежала вслед за Бусинкой, не запоминая дорогу! Я эту часть парка совсем не знаю!

– Придется вспомнить. – Следователь подхватил девушку под локоть и мягко направил в сторону ограниченного желтыми лентами участка. – Вы не волнуйтесь, я вам помогу. Мы все вам поможем.

– Но зачем вам эта дурацкая конфета?!

– Давайте отойдем в сторонку. – Черепанов многозначительно посмотрел на водителя, у которого уши словно увеличились вдвое, став похожими на лоящие каждый звук локаторы. – И я вам все объясню.

Он повернулся к врачу:

– А вы можете ехать. Спасибо.

– Да, конечно, – засуетилась та. – Виктор, заводи!

Водитель нехотя направился к «Скорой», врач и фельдшер последовали за ним, и в этот момент на широкой аллее, ведущей к колесу обозрения, появился автомобиль.

Черный внедорожник, «Лексус», несшийся к аттракциону с дикой скоростью.

Черепанов чертыхнулся и крикнул операм:

– Ребята, внимание! Жаркевич нарисовался! Не подпускайте его!

Джип с визгом тормозов остановился, дверца со стороны водителя распахнулась, из автомобиля буквально выпал невысокий, коренастый, плотный мужчина лет сорока пяти. В домашнем спортивном костюме и тапочках.

Одна из тапок свалилась с ноги мужчины, когда он побежал в сторону аттракциона. Побегал, не отрывая взгляда от кабинки и хрипло выдыхая:

– Лена, Леночка, доченька! Только не ты, не ты! Не ты-ы-ы-ы!..

Наперерез мужчине рванулись опера, они попытались перехватить его, но тот разметал тренированных профи, словно щенят.

Подбежал к кабинке, увидел то, что там лежало, рухнул на колени и жутко, по-волчьи завыл.

А Яна никак не могла оторвать взгляда от сиротливо валявшейся на асфальте уютной домашней тапочки...

Глава 5

– Бедная моя девочка! – Лидия Васильевна сочувственно погладила Яну по плечу. – Такой кошмар пережить! Это все из-за меня!

– Вы-то здесь при чем? – грустно усмехнулась Яна, автоматически обводя пальцем ободок чашки.

– Ну как же! Мне самой надо было пойти на прогулку с Бусинкой! А то мало того, что тебя разбудила ни свет ни заря, так еще и это...

Лидия Васильевна всхлипнула и шумно высморкалась в большой носовой платок, размерами напоминавший накидку на телевизор. Бусинка жалобно заскулила, пытаясь выбраться из махрового кокона, но хозяйка легонько прихлопнула ладонью по поверхности кокона и прикрикнула:

– А ты лежи, не дергайся! Высохнешь – отпущу! В следующий раз пять раз подумаешь, прежде чем сбежать соберешься! Если ты вообще умеешь думать! Ну как можно было, скажи мне как? Зачем тебе понадобились эти объедки? Я ведь тебя дома покормила перед прогулкой! А если бы тот ужасный маньяк еще был там? Ты представляешь, что он мог с тобой сделать?!

Соседка подхватила лежавший на диване кокон и судорожно прижала к груди, не забывая старательно покрывать поцелуями каждый сантиметр собачьей мордуленции.

Что вызвало у Бусинки противоположную реакцию. Вместо умиления – страдальческий визг.

Ну достали потому что! Мало того, что продержали в парке черт знает сколько, так потом еще и сразу купаться потащили, охая и причитая! Вдвоем на одну маленькую собачку! Пять раз намывливали! А после запеленали так, что ни лапой, ни хвостом пошевелить невозможно!

Теперь еще и поцелуй эти!

Яна очень хорошо понимала состояние Бусинки. Ей тоже сейчас больше всего хотелось остаться одной, уйти к себе, наполнить водой ванную, щедро набухав туда пены, погрузиться в блаженное тепло и смыть с себя весь липкий холодный ужас сегодняшнего утра.

Но пришлось возиться с соседкой и ее собакой. Лимит добрых дел на сегодня еще не был исчерпан.

Потому что Лидии Васильевне, само собой, сначала стало плохо с сердцем, когда она увидела, как вымотанная до предела Яна с Бусинкой на руках выбирается из полицейского автомобиля: Черепанов любезно предложил подвезти, и Яна не стала отказываться.

В этот момент Лидия Васильевна в десятый раз обходила двор и окрестности, окликая Яну и Бусинку. К поискам подключились дети, добровольцы-пенсионеры, молодежь с пивасиком, обычно находящаяся в перманентных контрах с пенсионерами – в общем, почти весь списочный состав свободных от обязанностей по дому соседей. Но потеряшки словно сквозь землю провалились...

А потом вдруг их полиция привозит!

В общем, Лидия Васильевна схватилась за сердце и грузно опустилась на ближайшую лавочку. Затем заплакала, не забывая при этом ругаться и кричать.

Черепанову пришлось заступиться за Яну, в общих чертах обрисовав ситуацию.

Услышав, что довелось пережить ее любимице (собачке, не соседке), а потом и рассмотрев перепачканный кровью комбинезон Бусинки, Лидия Васильевна сосредоточилась, прекратила охать и стонать и оперативно мобилизовала смертельно уставшую Яну на реабилитацию подопечной.

Правда, после завершения банно-прачечных процедур все же заварила успокоительный чай с ромашкой и валерианой и почти силком заставила девушку выпить. А заодно – и рассказать в подробностях, что же произошло в парке.

– Так зачем они искали конфету? Чего в ней такого важного?

– Оказалось, что псих этот всегда укладывает возле тел один и тот же вид чупа-чупса, клубнику со сливками. И следователю надо было подтверждение, что эта девушка, пропавшая три дня назад Елена Жаркевич, стала очередной жертвой маньяка. Третьей, если я правильно поняла.

– Батюшки-светы! – всплеснула руками Лидия Васильевна. – Третья?! Были еще две? И где же?

– Вы не поверите, – зябко передернула плечами Яна. – Всех нашли в нашем парке. Первую – на том же колесе обозрения, вторую – на карусели.

– И никто ничего не знал?! И детишек водили на эти качели-карусели?! Это как же так получилось-то?

– А потому что тела находил сторож парка. Рано утром находил, поэтому к моменту появления посетителей там уже все было убрано. Полиция быстро работала, не хотели, чтобы журналисты пронюхали и панику раньше времени подняли в газетах. В первый раз вообще посчитали это бытовухой – мол, парочка пришла отдохнуть, поссорились и все такое. Когда второе тело нашли, сначала не связали с первым случаем: никаких там напитков и еды на каруселях, само собой, не было, где их там поставишь! А потом эксперт обнаружил зажатый в кулаке девушки чупа-чупс... И Бусинка мне точно такой же принесла.

Собака, услышав свое имя, снова жалобно тявкнула.

– Да, хорошая моя, да, – успокоительно погладила любимицу по голове хозяйка, – перепугалась, конечно!

«Да ни фига я не перепугалась, вытащи меня из этих тряпок наконец!»

– А эти, из милиции – вот бессовестные! – покачала головой Лидия Васильевна. – Если бы предупредили людей, может, девчата поосторожнее стали бы, не забредали далеко одни в парке.

– Так девушек не в парке убивали. Их туда уже мертвыми привозили. Вернее, привозил – Матвей Егорович сказал, что, скорее всего, действует один упырь.

– А Матвей Егорович – это кто?

– Следователь, он нас привез.

– А, да, приятный мужчина, серьезный. Яночка, а...

– Лидия Васильевна, – Яна отставила пустую чашку и решительно поднялась, – я, пожалуйста, пойду. Мне надо отдохнуть.

– А может, еще чайку? Травки лучше всяких таблеток успокаивают.

– Нет, спасибо.

– Ты держись, деточка, – Лидия Васильевна, опустив махровый кокон на диван, приобняла Яну, – держись! Постарайся не думать, забудь о том, что видела!

– Я попробую, – слабо улыбнулась девушка.

Она уже подошла к входной двери, тихо радуясь долгожданной свободе, когда послышался звук отпираемого замка и дверь запахнулась, едва не протаранив лоб Яны.

Собственно, это обязательно случилось бы, не прояви девушка чудеса ловкости.

Все-таки кенгуру был.

– Ох ты! – озадаченно улыбнулся вошедший – худошавый высокий парнишка лет семнадцати. – Я вас не зашиб? Ради бога, простите, я же не знал...

– Кирюшенька! – радостно всплеснула руками Лидия Васильевна. – Ты все-таки пришел! Ты же на дачу собирался с друзьями!

– Ну что ты, бабуля, какая может быть дача, когда у тебя беда случилась! – Парень обнял старушку и обеспокоено поинтересовался: – Бусина нашлась?

– Да-да, нашлась! Там такой ужас приключился, ты не представляешь!

– С вашего позволения, – Яна, смущенно улыбаясь, попыталась обойти обнявшихся родственников, – мне пора.

– Ой, Яночка, извини, – спохватилась соседка. – Экая я невежливая стала! Знакомьтесь – мой внук, Кирюша. Учится в выпускном классе, в этом году поступать будем! На юриста! Кирюша у нас – отличник, на медаль идет...

Яна едва удержалась от насмешливого «это заметно» – сказывалась усталость. Потому что внук соседки мог бы стать моделью для учебного пособия под названием «типичный ботан».

В позитивном смысле этого выражения – никаких брючек в носочки и босоножек на носки на пареньке не было, как и очков в дурацкой оправе. И застывшего на лице выражения «врежь лоху» тоже не наблюдалось.

Просто парень был таким... чистым, что ли. Светлое лицо, на котором легко читались все его чувства и эмоции, аккуратная стрижка, хорошие джинсы, рубашка поло и самое главное – интеллект и чувство юмора, светившиеся в серых глазах.

Славный парнишка, в общем.

– Бабуль, хватит мне дифирамбы петь, – смущенно улыбнулся парень и протянул Яне руку. – Вы ведь та самая Яна, да? Рад знакомству, Кирилл.

– «Та самая» звучит как-то уж очень загадочно, – усмехнулась девушка, отвечая на рукопожатие.

– А как иначе? Бабулина палочка-выручалочка, незаменимая помощница. Спасибо вам, Яна.

– Да не за что. – Девушка решительно распахнула дверь. – До свидания!

– Всего доброго.

– Я попозже зайду, проведу тебя, Яночка!

Только не это!

Глава 6

Ни два галлона успокоительного чая, влитых в Яну соседкой, ни ванна с эверестом душистой пены, ни уничтоженная сладкая заправка из морозилки (остаток вкуснейшего торта-мороженого со дня рождения), ни даже просмотр любимого КВН по телевизору – не помогло ничего.

Не удалось до конца смыть, заесть, забыть пережитое. И если собственно жуткую картину в кабинке колеса обозрения Яне еще удавалось как-то завесить маскирующими шторками позитива, то домашняя тапочка, сиротливо лежащая на асфальте, снова и снова маячила перед глазами.

А в ушах звенел страшный крик, нет – вой, нечеловеческий, волчий вой отца девушки.

Всесильного и влиятельного Виталия Жаркевича, одного из столпов, так сказать, общества. Не в общегосударственном масштабе, конечно, но в городе владелец крупнейшей сети автозаправок был очень хорошо известен.

Яне – как меценат. Жаркевич курировал музыкальную школу, в которой когда-то училась его дочь и где подрабатывала Яна. Спонсировал ежегодный детский песенный фестиваль, отправлял победителей за свой счет в парижский Диснейленд.

Само собой, Виталий Жаркевич вовсе не был совсем уж белым, пушистым и образцово-показательным. Бизнес в принципе – во всяком случае, в России – не бывает без подводных камней, которые порой приходится преодолевать на пиратском корабле. А уж бизнес, построенный на углеводородах, и подавно.

Так что хватало в биографии Жаркевича и темных пятен, и врагов тоже хватало. Не зря ведь его служба безопасности считалась одной из лучших в городе.

Вот только не справилась «вся королевская конница, вся королевская рать»...

Не смогли уберечь единственную дочь босса, Лену.

Умницу и красавицу, веселую и смешливую, добрую и отзывчивую, имевшую много друзей, настоящих, искренне любивших девушку.

А еще Лена Жаркевич терпеть не могла светские «рауты» местного бомонда. И сколько папарацци ни гонялись за ней в поисках ну хоть чего-то компрометирующего, жареного, все без толку.

Яна пару раз видела Лену на том самом детской фестивале и даже поболтала минуты две. И послекусие после той беседы осталось очень приятное: девушка тронула Яну искренностью и простотой.

А еще – поразила красотой. Настоящей, природной, к которой не имел никакого отношения скальпель пластического хирурга. Потому что хирург сконструировал бы идеально правильные черты лица, кукольные, синтетические. А у Лены личико было как раз неправильное. Немного курносый нос, крупноватый рот, густые брови, пушистые ресницы, роскошные волосы цвета спелого каштана, смеющиеся серые глаза...

Там, в кабинке колеса обозрения, ничего этого не было. Вернее, было, но...

Яна не узнала бедняжку, пока не появился Жаркевич.

Насколько девушка поняла из разговора оперативников со следователем, Лена Жаркевич пропала три дня назад. Сидела вечером за компьютером, с кем-то переписывалась. Затем резко засобиралась куда-то, сказала родителям, что сейчас придет, надо срочно отдать флешку подруге. Подруга жила в соседнем доме их хорошо охраняемого жилого комплекса, так что мать волноваться не стала, отпустила дочь спокойно. Отца на тот момент дома еще не было.

Жаркевич вернулся с работы минут через сорок после ухода Лены. И тоже сначала не волновался.

Пока стрелки часов не подползли к одиннадцати вечера.

Стали звонить той подруге и узнали, что Лена к ней не приходила и ни о какой флешке девушка понятия не имеет...

Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как Лена выходит из подъезда, бредет – именно бредет, не идет, медленно, еле-еле, словно ноги ее не несут, в сторону парковки. Причем заметно, что девушка время от времени вытирает ладошкой щеки, как будто... плачет?

Подходит к парковке, осматривается. Коротко вспыхивают автомобильные фары, сигнала. Лена вздрагивает, судорожно сжимает руки за спиной и идет к машине, словно обреченный на казнь. Садится рядом с водителем, машина резко газует и уезжает.

Разглядеть, кто был за рулем, не удалось. Сотрудники службы безопасности Жаркевича отдавали запись с видеокамер лучшим спецам, требуя сделать похитителя пригодным для опознания, но увы – ничего не получилось. Даже понять, мужчина это или женщина, не удалось.

Человек, похитивший Лену, был одет в темный свитер, темную глубокую бейсболку, скрывавшую и волосы, и пол-лица, руки прятались в черных кожаных перчатках.

Машину нашли утром, брошенную. Оказалось, ее угнали накануне вечером, перед похищением.

Жаркевич ждал звонка от похитителей, думал, что все ради выкупа. Но никто не звонил...

Через два дня он обратился в полицию.

А через три Лену нашли...

Вернее, то, что от нее осталось. Псих всласть поглумился над девушкой, смерть стала для нее избавлением.

И это чудовище ходит сейчас по тем же самым улицам, дышит тем же воздухом! Любой человек в толпе может оказаться им!

К вечеру Яна взвинтила себя до такой степени, что даже руки начали трястись. Да так ловко затряслись, так профессионально, словно занимались этим лет пять с лучшим тренером околотка. Воды в стакане, пока девушка донесла его до рта, осталось меньше трети. И зубы с дурным энтузиазмом присоединились к рукам, лихо отбарабанив танец с саблями по краю стакана.

– Нет уж, дорогуша, так не пойдет! Довольно! – разозлилась Яна, с размаху поставив стакан на стол.

Конкретно так бахнула, так что стакан едва не треснул, лишив стеклянного ипохондрика остатка иллюзий в отношении человеческого рода в целом и этой вот жуткой особы в частности. Мало того что моет кое-как, чаще всего лишь споласкивает; мало того, что наливает всякую ерунду типа воды или сока из картонного пакета – вместо свежесжатого джуса или молока единорожицы; мало того что хранит в шкафчике вместе с разными фаянсовыми плебеями, так она еще и убить норовит! Почти покалечила, хамка!

Но страдания стакана из чешского стекла, последнего из старого набора, благополучного перебитого еще родителями Яны, на этом не закончились.

Потому что хозяйка, сопя и чертыхаясь, полезла в дальний угол шкафа, на нижнюю полку. Ту, что возле самого пола. Разгребая по пути баррикады посуды и отодвигая в сторону банки со специями и крупами.

Вот она удовлетворенно выдохнула:

– Есть! Нашла!

Вытащила из закровов бутылку с какой-то подозрительной жидкостью коричневого оттенка, посмотрела на свет, взболтнула, невольно поморщилась, глядя на этикетку, поджала губы, а потом, словно убеждая себя, твердо произнесла:

– А зато на травах!

Поднялась, отвинтила крышечку, щедро набулькала в задохнувшийся от возмущения и плебейского аромата напитка стакан больше половины, зажмурилась, выдохнула и залпом, повизгивая от отвращения, выдула все содержимое.

Снова бахнула стакан на стол, вытаращила глаза, затрясла ладошками, тщетно пытаясь вдохнуть, нащупала на столе кусок хлеба и почти целиком затолкала его в рот, лихорадочно пережевывая.

Плюхнулась на диванчик, вытерла проступившие слезы, с трудом проглотила хлеб и просипела:

– Блин, как же они ее пьют, «Зубровку» эту?

Печально посмотрела на початую бутылку стеклянной валюты, по совету матери припасенной для сантехников, пригорюнилась:

– И что мне с тобой теперь делать? Такую отдавать неудобно, а сама больше не могу. Толку себя мучить, если не помогает совсем...

А потом в глазах все поплыло, в голове зашумело, Яне захотелось немедленно улечься прямо тут, на кухонном диванчике, но она все же смогла принять вертикальное положение и донести это положение до дивана в комнате.

И рухнуть на него, мгновенно отключившись.

Глава 7

Ну да, стыдно, конечно: преподавательница музыки, по определению обязанная быть утонченно-одухотворенной, хряпнула на ночь стакашек «Зубровки» и завалилась спать не раздеваясь!

Но почему-то особого стыда Яна не ощущала. И угрызений совести тоже.

А вот облегчение пришло.

Валюта ли сантехников была тому причиной или всем известная поговорка «утро вечера мудренее», Яна не знала. И знать не хотела. И вдумчиво анализировать ситуацию тоже не собиралась.

Потому что – солнечное майское утро! Воскресенье! И никто не будил, не просил погулять с собачкой! И вчерашний день казался таким далеким, таким... ненастоящим, что ли?

Словно весь тот кошмар произошел вовсе не с ней, не с Яной. И вообще не произошел – это был сюжет из телевизора. Что-нибудь энтэвэшное, обильно кровавое, постоянно повторяющееся и потому ненастоящее.

А здесь, в ее уютной, залитой утренним солнцем квартирке, шла настоящая жизнь. Тихая, мирная и спокойная.

И утренний душ окончательно убедил девушку в этом.

Жизнь прекрасна и удивительна!

– А это я для компрессов оставлю. – Яна затолкала початую бутылку обратно, в дальний угол шкафчика. – Пока Ксюшка моя не увидела, чем я тут занималась в ее отсутствие. Потом плумиться будет года два! Хотя сама в моем падении виновата: нечего по командировкам шляться, когда так мне нужна!

Ксюши, самой близкой подруги Яны, почти сестры – они дружили с первого класса, – сейчас в городе не было. Иначе вчерашний день не получился бы таким одиноко-напряженным и не закончился столь... м-м-м... куртуазно.

Потому что первым делом, вернувшись наконец в квартиру, Яна позвонила Ксюхе, и та немедленно примчалась бы. И они устроили бы облегченную версию «Слета юных Василис» – вдвоем.

Обычно это мероприятие (название которому дал старый мультик) проходило в расширенном составе, «юных Василис» набиралось от шести до десяти особей – подруги Яны и Ксюши, перезнакомившиеся между собой и тоже подружившиеся.

Чей-либо день рождения, или профессиональный праздник, или просто по настроению – поводов для слета искать особо не приходилось. Девчата созванивались, определяли место, договаривались, кто что несет с собой вкусенького, и слетались. Мужчинам вход на эти мероприятия был строго запрещен, но мужья и бойфренды (у кого были) на это уже давно не обижались. Да и не рвался особо никто из них: представители сильного пола относились к подобным посиделкам с некоторой опаской – сразу восемь штук таких, как моя?! Нет уж, спасибо, я лучше с мужиками в спортбар пойду, матч под пиво посмотрю.

А девушкам подобные встречи были очень нужны. Выговориться, пожаловаться, посоветоваться, услышать слова поддержки, отдохнуть душой – разве могут походы к дорожному психологу заменить такие посиделки?

Правда, Яна, когда ей было совсем уж худо, ограничивалась обычно только Ксюшей. А Ксюша – Яной.

Но Ксюша, недавно закончившая интернатуру, в составе группы лучших молодых врачей их города была направлена на трехмесячную практику в клинику Израиля.

И пока прошел только месяц, как подружка-сестренка уехала...

Так что справляться с проблемами приходилось самой.

Ничего, сегодня вечером по скайпу она все это вредине выскажет! Бессовестная, умотала почти на курорт и в ус не дует!

Хотя назвать Израиль курортом...

Там, конечно, имелся Эйлат, и море тоже, вот только...

Ну да ладно, жизнь все равно прекрасна и удивительна!

И это надо отметить вкуснейшим завтраком.

Через полчаса Яна с удовлетворением осмотрела красиво сервированный стол, где томно возлежали на широкой тарелке румяные оладушки, золотился в фарфоровой плошечке мед, кокетливо подбоченился кофейник, ждала своей очереди изящная чашечка на не менее изящном блюдечке.

– Лепота и благолепие, чесслово! – улыбнулась девушка. – Ай да я, ай да молодец! Сейчас ка-а-ак...

Очень невежливо, не дослушав фразу, булькнул дверной звонок.

– Бли-и-ин, – страдальчески поморщилась Яна, – неужели опять?! Ну хотя бы сегодня она может оставить меня в покое?! А вот не пойду открывать! Нет меня!

Звонок еще раз булькнул, но именно булькнул – робко и нерешительно, словно стеснясь. Что совсем не похоже было на настойчивый набат Лидии Васильевны.

Но тогда кто? Остальные соседи как-то обходились без визитов, ограничиваясь приветливыми кивками и парой слов при встрече. Почтальон? Но сегодня воскресенье, почта не работает.

Пожалуй, надо открыть.

Яна торопливо прошлепала в прихожую, щелкнула замками, отпирая, и только в последний момент сообразила, что не мешало бы в дверной глазок глянуть: мало ли, кто там заявился? А вдруг маньяк ее выследил?

– Паранойя, – грустно констатировала Яна. – Она самая. Пора сооружать шапочку из фольги, чтобы инопланетяне мои мысли не читали.

Девушка решительно распахнула дверь и озадаченно приподняла брови – там никого не было. Детвора балуется, что ли? Так вроде нет в их подъезде, мальчишек шкодливого возраста.

– Если в стенах видишь руки, не волнуйся – это глюки, – сообщила Яна мирозданию.

Мироздание задумчиво помолчало пару секунд, усваивая откровение, а потом нерешительно спросило:

– Яна? Это вы?

Девушка, уже почти закрывшая дверь, вздрогнула и снова выглянула на лестничную клетку. Снизу по лестнице, смущенно улыбаясь, поднимался Кирилл:

– Доброе утро, Яна!

– Здравствуйте, Кирилл. Это вы звонили?

– Ага, – виновато кивнул парнишка. – Разбудил, да? Простите! Я хотел за бабулю извиниться, а сам... Вомбат бестолковый!

Он так забавно расстроился, что Яна не удержалась от смеха:

– Кто, простите?

– Вомбат. Зверюшка такая, довольно неуклюжая.

– Заходи, вомбат. – Девушка посторонилась, пропуская гостя.

– А удобно?

– Удобно, удобно.

– А никто возражать...

– Экий мне вомбат благовоспитанный попался! Ты что, в институте благородных девиц обучался?

– Нет, в пажеском корпусе, – улыбнулся Кирилл, протискиваясь мимо Яны: разминуться свободно в крохотном коридорчике могли только два хомяка. – Розги, знаете ли, весьма способствуют правильному воспитанию юных отроков.

– И отроковиц тоже. Жаль, что в нашей школе эта мера убеждения запрещена. Так чего ты хотел, отрок?

– Я же сказал – извиниться.

– За что?

– За бабулю. Я-то, пингвин, так радовался, что бабуля перестала нас с мамой дергать по пустякам, думал, она поняла, что у нас не так много свободного времени. Мама на работе допоздна, у меня – выпускной класс, к ЕГЭ готовиться надо. А бабульчик, оказывается, под боком добрую самаритянку нашла! И мгновенно запрягла ее по полной программе.

– Есть такое, – усмехнулась Яна.

– Вы не волнуйтесь, бабуля больше не будет вас дергать! Я с ней поговорил. Попросил, чтобы мне звонила, если что-то надо. Мы недалеко живем, десять минут пешком. Бусинку я сегодня уже выгулял, в магазин сходил, все купил. Вечером бабуля пообещала сама с собакой погулять.

Ну да, конечно, пообещала она! Вечером ей опять станет «плохо», а Бусинку надо вывести прямо сейчас, сию минуту, и все обещаю...

Кирилл словно прочитал мысли Яны:

– А на случай, если бабуля решит схитрить, я ее предупредил, что буду вам звонить и спрашивать, как дела. Только... – Кирилл замялся. – Вам придется дать мне номер своего мобильного. Вы не думайте, я злоупотреблять не стану! Я же не бабуин какой-нибудь!

– Кирилл, а почему у тебя все сравнения с животным миром связаны? – усмехнулась Яна. – Вомбат, пингвин, бабуин.

– А мне так больше нравится. По-моему, лучше, чем идиот, дебил, придурок, разве нет?

– В общем-то, да. И вот что. – Яна подхватила парнишку под руку и повела на кухню. – Во-первых, давай перейдем на «ты», не такая уж большая у нас разница в возрасте, а во-вторых, продолжим беседу за столом – ты меня от завтрака отвлек.

– Я уже ел у бабули! Хотя... – Кирилл с восторгом осмотрел стол. – У вас тут все так аппетитно и красиво!

– У тебя – не у вас.

– Ну да, у тебя. Пожалуй, я еще раз позавтракаю.

– Вот и славно.

Глава 8

– Катюша, не части! – Яна ласково погладила туго заплетенные косички, поправила заколки в виде божьих коровок. – Здесь музыка плавно льется, нежно, словно весенний ручеек.

– Так ручеек по камушкам как раз и звенит, – улыбнулась Катя, дочка хозяйки.

– Не хитри, – шутливо погрозила пальцем Яна. – Скажи честно: отвлеклась, да? О чем-то другом задумалась-замечталась, но явно не о предстоящем отчетном концерте. И кто он?

– Он? Какой еще он! Не понимаю, о чем вы! – Щеки девочки мгновенно полыхнули румянцем, Катя попыталась изобразить недоумение, но опыта, того самого женского опыта лицедейства, приходящего с годами, в двенадцать лет обычно еще нет.

Нет, встречаются, конечно, отдельные особи женского пола, уже в коляске ловко манипулирующие глупышами-мальчишами. Но это сродни таланту, с этим рождаются.

Правда, иногда мамы, барбиподобные гламурные куклы, с младенчества лепят из дочек себе подобных, обучают способам и методам охоты на перспективных самцов, загоняют малышей на разнообразнейшие конкурсы красоты, раскрашивают их мордашки, превращая милых девчушек в нелепых карликовых женщин.

Но с Катей все было с точностью до наоборот. Ее мама словно не замечала расцветающей женственности дочери и упорно одевала девочку в совершенно детские платьица, нелепые и плохо сидящие. На ногах у Кати красовались жуткие туфли с ремешочками, волосы девочки, густые и красивые, стягивались в две косы и закреплялись детсадовскими заколками.

А еще, насколько было известно Яне со слов девочки, помимо музыки Катя ходила в кружок рукоделия, в бассейн, на английский. Мать впахивала на двух работах, квартиру сдавала – бесплатным был только кружок рукоделия, – лишь бы девочка была занята весь день и не «шлялась невесть где!». Видимо, какие-то собственные страхи и ошибки проецировала на дочь.

В общем, болтать и хихикать со сверстницами, обсуждая мальчиков и выслушивая истории чужих «отношений», Кате было некогда. Поэтому и не умела она скрывать свои чувства и эмоции.

И сейчас, в ответ на шутливое замечание Яны, смутилась так, что даже слезы появились.

Катя отвернулась, прикусила губу и старательно забарабанила по клавишам, но Яна легонько придержала руки девочки, присела рядом на корточки и заглянула ученице в лицо.

Красное, расстроенное личико с дрожащими губами.

– Ну-ка, подружка, давай сделаем перерыв и попьем чаю. – Яна обняла девочку за плечи и заставила встать со стула. – И поболтаем о том о сем, хорошо?

Катя робко улыбнулась и кивнула. И в это время затренькал мобильный Яны.

– Извини, Катюша, я сейчас, – девушка посмотрела на дисплей и усмехнулась, – буквально пару секунд.

Она отошла от пианино и нажала кнопку ответа:

– Ну привет, вомбат!

– Яна, – голос парня в трубке дрожал, – можно, я зайду?

– Сейчас?

– Ага.

– Кирилл, у меня урок, я с Катей занимаюсь.

– А я на кухне подожду, мешать не буду.

– Случилось что-то?

– Ну да... Хотя нет... В общем...

– С Викой поссорился?

– Есть маленько...

- Ну приходи, пингвин бестолковый. Будем разруливать очередной твой косяк.
- И ничего не мой, а...
- Кирюха, запомни: в ссорах всегда косячат мужчины. Даже если виноваты женщины.
- Я фигею от женской логики!
- Все, дискутировать будем потом, мне некогда.
- Понял.

Яна положила мобильник на стол и обернулась.

И едва удержалась от понимающей улыбки: не хотелось смущать Катюшку еще больше.

Но теперь можно было не задавать вопроса: кто он? Ответ в данный момент четко, огромными буквами сверкал и переливался в глазах девочки, таких же восторженных, как и ее голос:

– Сейчас Кирилл придет, да?

Вот только интересно, влюбленность Кати свеженькая или все тянется с младенчества? Здесь, у Яны, ученица и подружившийся с Яной соседский внук пересекались за последние две недели раза три. Чаще всего, когда девочка уже уходила, а Кирилл как раз забегал на «чашку разговора».

Так парнишка называл душевные беседы с молодой бабулиной соседкой, во время которых он мог свободно и спокойно обсуждать все, что его интересовало. И что нельзя обсудить с друзьями: начнут ржать, как придурки!

Яна и Кирилл как-то очень быстро сблизились, сблизились в хорошем смысле этого слова. Словно брат и сестра. Умный, порядочный, с прекрасным чувством юмора, с обширным багажом знаний в любой области парнишка – общаться с ним Яне было искренне интересно.

А еще он реально сумел уgomонить свою бабулю – за прошедшие с того дня две недели Яне ни разу больше не пришлось выгуливать Бусинку. Лидия Васильевна очень дорожила расположением внука, поэтому все ее болезни и недомогания куда-то мгновенно улетучились.

Может, и установившаяся теплая солнечная погода этому способствовала: конец мая в этом году выдался замечательным.

В общем, радостный лай Бусинки Яна слушала теперь только из-за окна, с улицы.

Девушка опасалась, что соседка затаит обиду на нее, но все осталось по-прежнему. Лидия Васильевна ласково улыбалась и мило беседовала с Яной при встречах. И пирожки с Кириллом передавала, к «чашке разговора».

Которая случалась довольно часто: у парнишки разгорался и яростно пылал роман с одноклассницей.

Нет, пошлое «роман» в данной ситуации было неправильным словом.

Первая любовь, нежная и трепетная, страстная и безумная, – вот что бушевало сейчас в душе и сердце Кирилла.

И объект его любви, Вика, заочно нравилась Яне. Заочно – потому что лично пока еще Кирилл свою девушку с Яной не познакомил. Собирался сделать это на выпускном, взяв с Яны обещание обязательно прийти: изначально она на это мероприятие не собиралась, поскольку преподавала в младших классах.

Да, оказалось, что Яна работает в той же школе, которую заканчивает Кирилл.

Собственно, ничего удивительного в этом не было, учитывая, что парень с матерью жили поблизости.

В школе Яна и Кирилл только здоровались: нечего распространяться об их дружбе, народ у нас мыслит однонаправленно, неправильно поймут. Но Вику Яна уже видела, и выбор названного братишки одобрила.

Потому что девушка удивительно подходила ему – такая же чистая, светлая, искренняя. А еще – ни грамма косметики на лице, и волосы Вика не красила, зачем? Свой цвет был замечательным – янтарно-медовым. А большущие, удивленно распахнутые глаза напоминали васильки.

В целом Вику Скворцову вряд ли можно было назвать королевой школы и звездой околотка – курносый носик, крупноватый смешливый рот, веснушки. По сравнению с общепризнанной звездой школы, Златой Ашкенази, девушка казалась простушкой. У Златы имелся в наличии весь комплект: длинные ноги, жемчужные зубы, платиновые волосы, грудь чересчур правильной формы, идеально красивое лицо с идеальным – дневным – макияжем, маникюр, педикюр (далее по списку). Было вообще непонятно, что эта красотка делает в школе.

Ничем таким Вика похвастаться не могла. Но и фанаберии, заносчивости, надменности (далее по списку) Златы у нее не имелось.

И тем не менее Вика и Кирилл умудрялись ссориться чуть ли не через день.

Правда, Кирилл сказал, что это только в последнее время: Вика почему-то очень нервная и дерганая стала. Наверное, из-за этого кретинского ЕГЭ!

Но разруливать ситуации как-то надо, верно?

А кто лучше всего знает особенности девичьей логики, психики, души, если не другая представительница этого странной и непонятной части рода человеческого? Пусть и немного старше.

Глава 9

Так что Кирилл стал довольно частым гостем Яны. Поэтому и пересекся пару раз с Катюшкой. И каждый раз приветливо здоровался, спрашивал, как дела в школе. Катя отвечала односложно и торопилась уйти.

Казалось, ей совсем не интересно болтать с взрослым – почти восемнадцать уже! – внуком соседки. Что у них может быть общего?

А на самом деле...

Яна легонько вздохнула – ну вот, еще и эту проблему разругивать придется. Надо будет как-то потактичнее, мягко и ненавязчиво отвлечь девочку, объяснить всю безнадежность ее чувства.

Хотя... Когда это сердце прислушивалось к доводам разума? Тем более в таком юном возрасте, когда все впервые и кажется – на всю жизнь!

– Да, придет, – кивнула Яна. – Но не волнуйся, он нам мешать не будет, он на кухне посидит. Все, хватит болтать, давай вернемся к музыке. Не забыла – мягко и нежно, словно ручеек. Ах да, мы же собирались чай пить! И Кирилл с нами выпьет.

– Ой, нет, не надо чаю! – вскрикнула девочка.

– Почему? Ты же вроде хотела.

– Я... Просто... Яна, – Катя умоляюще посмотрела на свою учительницу, – давайте заниматься дальше, а? Я не смогу... нет, не так... Мне неудобно, если кто-то еще будет слушать, как я играю. Так что хотелось бы закончить до прихода Кирилла.

– А как же ты на отчетном концерте выступать будешь?

– Это другое. К концерту я уже все выучу, отрепетирую, а сейчас играю еще не очень...

– Хорошо, Катюшка, давай продолжим, – ободряюще улыбнулась Яна. – У нас есть еще минут десять-пятнадцать.

Катя просияла, развернулась к клавишам, руки девочки легкими мотыльками вспорхнули над клавиатурой, и Яна удивленно покачала головой: все-таки любовь творит чудеса!

Даже если она полудетская. Чистая и немного наивная.

Именно такая музыка зазвучала сейчас в квартире Яны – чистая, нежная, искренняя. Зазвучала так проникновенно, так одухотворенно, а главное – абсолютно правильно, без единой ошибки!

– Катюшка, да ты у меня – талантище! – Яна радостно обняла ученицу за плечи, когда отзвучал последний аккорд. – Если так сыграешь на концерте, все ахнут!

– Правда? – Катя зарделась от смущения.

– Самая взаправдашняя правда! – От избытка эмоций Яна звонко чмокнула девочку в пылающую щеку. – Умничка ты моя!

И, словно поздравительные фанфары, затренькал дверной звонок.

И щеки Катюшки стали еще пунцовее. Девочка, наверное, тоже почувствовала жар, потому что приложила к лицу ладошки и, ссутулившись, замерла на стуле.

Яна украдкой покачала головой и направилась в прихожую.

– Это ты, вомбат?

– Он самый, – весело отозвался из-за двери Кирилл. – Хотя нет, не так. Открывай, сова, медведь пришел!

– Тоже мне, медведь! – хмыкнула Яна, распахивая дверь. – Тощий какой-то медведь, согласись.

– Все логично: всю зиму лапу сосать, отощавешь тут, – улыбнулся Кирилл, боком протискиваясь мимо Яны. – Вот, это от бабули, держи. К чаю.

Он всунул в руки девушки плетеную корзиночку, накрытую чистеньким льняным полотенчиком.

– Ты прямо Красная Шапочка у нас. Только не к бабушке, а от бабушки идешь с пирожками. А это что? – Яна кивнула на скромный букетик желтых одуванчиков, торчавший из кармана рубашки.

– А это Катюхе, за беспокойство. Катюха, ты где?

Тишина.

Кирилл удивленно посмотрела на Яну:

– Уже ушла, что ли?

– Да нет, здесь. Наверное, не прислушивается к нашему разговору, в музыке вся. У нее отчетный концерт в музыкальной школе на носу.

– Да где же он там поместится на том маленьком носу! Там только конопушки помещаются! – Кирилл подмигнул появившейся в дверях комнаты девочке. – Правда, стоит отметить – конопушки очень симпатичные. Вот, журавлик, возьми. – Парень вытащил из кармана одуванчики, взъерошил им чубчики, распушая, и протянул слегка помятый букетик Кате, – это тебе.

– М-мне? – Глаза девочки зачарованно распахнулись, словно в руке парня были не обычные желтенькие одуванчики, а роскошные лилии.

– Тебе-тебе. За то, что уроку твоему помешал. Ты не сердись?

– За что? – Катя робко взяла букетик и погладила цветы, словно котенка.

– Ну как: отчетный концерт, надо заниматься, а тут я!

– Нет, нет, что ты! Мы все успели, я уже закончила. Правда, Яна?

– Да, буквально за минуту до твоего появления Катюша как раз отыграла свой урок.

– Так это она играла? – Кирилл удивленно посмотрел на смущенно прятывшую нос в цветах девочку. – Я как раз к бабуле заходил за пирожками и слышал из этой квартиры классную музыку. Еще подумал, что Яна диск для ученицы поставила. А это, оказывается, ты! Потрясен!

Парень подошел к Кате, взял ее ладошку и галантно, словно действительно учился в пажемском корпусе, поцеловал даме руку.

Отчего дама полыхнула так, что, будь она постарше, лет так шестидесяти, смело можно было бы опасаться апоплексического удара.

Кирилл, если и заметил смущение девочки, виду не подал. Не отпуская ее ладошку, он повернулся к Яне:

– Так мы будем сегодня чай пить? Раз уж урок у вас закончился, давайте все вместе это дело отметим, пока пирожки теплые. Сегодня бабуля мои любимые испекла, с вишней. Вку-у-усные!

– А... а откуда у нее вишня? – Катя попыталась незаметно отобрать свою ладошку, но парень держал ее крепко. – Сейчас же только конец мая, а вишня...

– Да-да, в июле. Но у бабули имеется стратегический запас замороженных ягод. Вся морозилка каждое лето забивается, а потом в течение года постепенно освобождается. Так мы будем болтать или все же пойдем, отдадим должное бабулиному мастерству?

– Пойдем и отдадим, – кивнула Яна. – Давай, Катюшка, присоединяйся, пироги у Лидии Васильевны действительно обалденные!

– Нет, я не могу! – вскрикнула девочка, причем в ее дрожащем голосе было столько испуга, что Кирилл невольно отпустил ее ладошку и даже сделал шаг назад.

– Ты чего, журавлик? – Парень озадаченно нахмурился и всмотрелся в моментально налившиеся слезами глаза. – Эй, что такое? Я что-то не так сделал?

– Нет, конечно! – Катя попыталась легко и непринужденно улыбнуться, но на-гора выдала лишь непонятную гримасу. – Ты... ты все так... Спасибо за цветы, они чудесные! Просто... Мне надо возвращаться, мама велела не задерживаться.

– А мы тете Люде сейчас позвоним и отпросим тебя!

– Не надо! Спасибо за цветы! Я пойду!

Катя схватила лежавший на банкетке рюкзачок с мультяшными медведями, ни на кого не глядя, кивнула:

– До свидания!

И, прижимая к груди букетик, выбежала из квартиры, даже не закрыв дверь.

Яна тяжело вздохнула, прислушиваясь к торопливому топоту девочки, и захлопнула дверь.

– Слушай, Яна, – Кирилл озадаченно почесал затылок, – может, я на самом деле что-то не так сделал? Она что, обиделась, думала, что кривляюсь? Смеюсь над ней? Так я вовсе...

– Ох, Кирилл, Кирилл, – покачала головой Яна, направляясь на кухню, – до чего же вы, мужчины, бываете непонятливыми!

– В смысле?

– Ладно, проехали. Ну, что там опять у вас с Викой стряслось?

Глава 10

Кирилл просидел у Яны минут сорок – разговоров хватило ровно на одно чаепитие с необыкновенно вкусными пирожками.

– Так что, мой юный подаван, – улыбнулась Яна, отодвигая в сторону пустую чашку, – на ближайшие недели две наберись терпения и постарайся не обращать внимания на взбрыкивания Вики. Ты же сам мне рассказывал, сколько сил и нервов забирает ЕГЭ. Да и в средствах массовой информации каждую весну появляются материалы о школьниках, реально свихнувшихся из-за ЕГЭ. Я тоже прошла через него и тоже считаю, что изобретение кретинское. Лучше бы оставили обычные выпускные экзамены. А то вон даже самоубийством некоторые слабые духом личности заканчивают.

– Тьфу ты! – Кирилл поперхнулся и мучительно закашлялся, да так сильно, что Яне пришлось старательно отдубасить приятеля по спине, прежде чем тот смог отдышаться и просипеть. – Ты что говоришь такое?! Какое еще самоубийство! Даже думать так о Вике не надо, пожалуйста! Я не смогу без нее!

– Вот и береги свою девочку, оболтус. Будет говорить гадости, обижаться по пустякам – просто обними, прижми к груди крепко-крепко и не отпускай, пока не успокоится. И говори, говори ей о своих чувствах, слышишь? Вы, парни, почему-то считаете, что это не по-пацански – розовые слюни пускать. Брутальный мачо немногословен и крут. Ерунда все это, Кирюшка! Нам очень нужны ваши слова. Слова любви и нежности, комплименты, похвала, поддержка! Так что иди сейчас же к Вике и мирись!

– А если она...

– Никаких «а если»! Что бы она ни говорила, пусть даже очень злые и обидные слова, – просто обними. И говори, говори, не прислушиваясь к ней, говори, пускай те самые «розовые слюны»!

– А точно поможет?

– На сто процентов! Гарантирую!

– Ну тогда я пошел.

– Удачи!

Заперев за Кириллом дверь, Яна вернулась на кухню с твердым намерением убрать со стола и перемыть посуду. Однако намерение как-то очень быстро капитулировало, сдавшись на милость победителя – навалившейся сонливости. Но на часах было только семь вечера, время для сна совершенно неподходящее. Надо еще пару часов продержаться, а потом уже можно и с подушкой всласть наобниматься.

Вариант с Интернетом и телевизором даже не смог финишировать, сойдя с дистанции в самом начале: свечение экранов делало веки еще тяжелее.

Оставалось одно – прогулка на свежем воздухе. Может, предложить соседке Бусинку выгулять?

Нет, не стоит, не буди лихо, пока оно тихо. И Ксюхи, как назло...

– Вот балда! – Яна так звонко хлопнула себя по лбу, что сонливость озадаченно попятилась. – Чуть не забыла! Ксюнька меня бы потом заклевала!

Девушка метнулась к компьютеру и включила его. Она действительно чуть не забыла: сегодня вечером у них с подружкой намечено randevу по скайпу. Каждый день занятая на дежурствах Ксения выходить в эфир не могла, поэтому встреча заранее оговаривалась и согласовывалась.

Вот как сегодня, к примеру.

А она, Яна, со всеми этими детско-юношескими влюбленностями почти забыла!

Само собой, рассказывать об этом появившейся на экране монитора подружке Яна не стала. Да и времени на это не хватило, потому что минут через десять, когда Ксюха как раз увлеченно делилась впечатлениями от работы в клинике Израиля, в дверь позвонили.

– Кто это к тебе? – удивленно приподняла брови Ксения. – Ты же вроде говорила, что бабулька-соседка тебя в покое оставила!

– Оставила, – кивнула Яна, поднимаясь. – Но, боюсь, своей болтовней я сама себя и сглазила. Сейчас посмотрю, кто там.

Звонок снова затренькал, нет – заорал, возмущенно и требовательно. Неужели все-таки Лидия Васильевна? И придется пирожки обрабатывать?

Яна метнулась к двери, посмотрела в глазок – вечер все-таки, мало ли кто там может быть! – и, озадаченно нахмурившись, распахнула дверь:

– Добрый вечер, Людмила Сергеевна!

– Сколько можно по телефону болтать?! – заорала квартирная хозяйка, отталкивая девушку в сторону. – Все время занято и занято! Вы меня с ума сведете! Катя! Немедленно домой!

– А Кати у меня нет. – Яна вдруг почувствовала, как болезненно сжалось сердце. – Она давно ушла.

– Как это нет? Я слышала: ты с кем-то болтала!

– Я с подругой, по скайпу.

– По чему?

– Ну, программа такая компьютерная, видеозвонки...

– А когда Катюшка моя ушла? – Боевой запал женщины вдруг куда-то исчез, сменившись смертельной бледностью. – И что у тебя с телефоном, я звоню, звоню...

– С телефоном? – Яна посмотрела на полочку, где обитал старый, еще дисковый аппарат. – Кажется, трубка неправильно лежит. Ну, точно!

Девушка поправила немного сдвинувшуюся трубку и вздрогнула, услышав шум падающего тела.

Яна обернулась – хозяйка квартиры, неловко подогнув ногу, лежала на полу, и ее мертвенно-бледное лицо ничего хорошего не предвещало.

– Что у тебя там? – раздался из комнаты немного искаженный скайпом голос Ксении. – Что за шум?

– Людмила в обморок упала! – крикнула Яна, присаживаясь на корточки перед лежавшей. – Ксюнь, ты пока отключись, потом поговорим!

– Сама справишься?

– Да!

Яна бережно приподняла голову женщины и легонько похлопала ее по щекам:

– Людмила Сергеевна! Очнитесь!

Веки квартирной хозяйки задрожали, а затем медленно, словно с трудом, распахнулись. И мгновенно налились слезами. Людмила обреченно взглянула на Яну и прошептала:

– С Катюшей беда...

– Да с чего вы взяли?

– Чувствую. Давит вот здесь, – женщина прижала руку к левой стороне груди, – дышать не могу, так давит. Доченька моя!

Слезы перелились через край и ручейками заструились по щекам, Людмила отрешенно глядела в никуда и больше всего напоминала сейчас тряпичную куклу.

– Так, Людмила Сергеевна, это не дело! Ну-ка...

Яна почти насильно помогла женщине подняться и, поддерживая, отвела на кухню: а вдруг любопытная Ксюха еще не отключила скайп. Усадила безвольное тело на диванчик, налила стакан воды и протянула Людмиле:

– Вот, попейте. И перестаньте ерунду говорить и думать! От силы часа полтора прошло с тех пор, как Катюша от меня ушла. За окном вон еще светло совсем, ну какая еще беда, о чем вы? Скорее всего, Катюха к подружке забежала, цветами похвастаться, и заболтались девчонки! Мобильного ведь у нее нет, насколько мне известно?

– К-какими еще цветами? – всхлипнула Людмила, отпивая воду из протянутого Яной стакана.

– Да тут Кирюшка забегал, внук Лидии Васильевны, а Катя как раз уходила уже. Ну, Кирилл ей букетик одуванчиков и вручил.

– И с ней ушел?! – нахмурилась квартирная хозяйка.

– Ну что вы! Он у меня остался, мы чай пили с пирожками его бабушки.

– А чего это он к тебе ходит? Он же мальчишка совсем!

– Да не ходит он ко мне! Ну, в том смысле, в каком подразумеваете вы. Так, забегают иногда, посоветоваться насчет Вики. Вика – его девушка. Они...

– Ну, я ей покажу, – Людмилу явно не особо интересовали взаимоотношения соседского внука и его девушки, – я ей устрою! Небось к Ленке побежала, к оторве шалопутной! Сто раз Катерине говорила: не водись с этой девчонкой, ничему хорошему она тебя не научит! В двенадцать лет уже красится всюю! И все разговоры только о мальчишках!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.